

Ирвинг Финкель

Ковчег до Ноя: от Междуречья до Арарата

Клинописные рассказы о Потопе

КНИГА ВЫПУЩЕНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
«ЕРЕВАН ПРОДАКШН»

Издательство «Олимп-Бизнес»
Москва, 2016

Оглавление

От издательства	ix
Предисловие автора к русскому изданию	xi
1. О книге	1
2. Клин между нами	13
3. Слова и люди	33
4. Рассказ о Потопе.	96
5. Табличка Ковчега	120
6. Предупреждения о Потопе	126
7. Какой же он был формы?	139
8. Строим наш Ковчег	176
9. Жизнь на борту	206
10. Вавилонский и Библейский Потоп	235
11. Жизнь евреев в Месопотамии	248
12. Что стало потом с Ковчегом?	290
13. Литературный анализ <i>Таблички Ковчега</i>	329
14. Заключение: Потопы и Ковчеги	342
<i>Приложение 1. Духи, души и реинкарнация.</i>	<i>349</i>
<i>Приложение 2. Анализ таблички XI Эпоса о Гильгамеше.</i>	<i>361</i>
<i>Приложение 3. Технический отчет о строительстве Ковчега.</i>	<i>367</i>
<i>Приложение 4. Табличка Ковчега — транслитерация, перевод и комментариев</i>	<i>396</i>
Благодарности.	407
Послесловие научного редактора	408
Примечания.	412
Библиография.	434
Источники текстов	447
Источники иллюстраций	448
Именной указатель.	451
Предметный указатель	454

1

О книге

*Круг времени – гончарный круг;
Гончар все тот же, глина – та же.*

*Роберт Браунинг*¹

В году 1872-м от Р. Х. некто Джордж Смит (1840–1876), по первоначальной профессии гравер на монетном дворе, ставший затем сотрудником Британского Музея, привел весь мир в изумление, обнаружив историю Потопа – почти ту же, что изложена в Книге Бытия, – записанную на *клинописной глиняной табличке*, незадолго перед этим найденной при раскопках в далекой Ниневии. Вавилонские боги, как говорится в этом тексте, прогневались на людей за их поведение и решили уничтожить весь человеческий род в водах потопа; но в последнюю минуту жизнь на земле была сохранена усилиями одного-единственного человека. Он построил ковчег, в котором смогло поместиться по два живых существа каждой породы, одно мужского и одно женского рода, до тех пор, пока вода не схлынула и мир не вернулся к жизни.

Это открытие ошеломило, конечно, и самого Джорджа Смита [1]; безвестный сотрудник отдела клинописных табличек вдруг стал мировой знаменитостью. Не следует, однако, забывать, что этому триумфу предшествовала кропотливая исследовательская работа.

¹ Эпиграф к этой главе (и, тем самым, ко всей книге) – строчка из философской поэмы *Рабби Бен Эзра* Роберта Браунинга (Robert Browning, 1812–1889): *Time's wheel runs back or stops: Potter and clay endure*. В строфах, из которых взята эта строчка, поэт говорит о Творце как о вечном Гончаре, вращающем гончарный круг времени и творящем все сущее из вечной глины. Ничто из сотворенного не исчезает, но остается в вечности – потому что глина неизменна. Сохранность глины, а через нее – близость к нам вавилонской культуры и истории: таков лейтмотив всей книги И. Финкеля.

Долгие месяцы разглядывания табличек за стеклянными витринами Британского Музея завершились тем, что на постоянного посетителя обратили внимание и взяли его работать в музей реставратором; это произошло примерно в 1863 году. Юный Джордж проявил необыкновенные способности в подборе фрагментов разбитых табличек, а в чтении клинописи оказался прямо-таки гениален; его, без всякого сомнения, следует считать одним из самых талантливых ученых-ассириологов. Накопив достаточный опыт, он стал помощником знаменитого Генри Кресвика Роулинсона, под чьим руководством занялся сортировкой многих тысяч клинописных табличек, пополнивших в это время фонды Британского Музея. Сэр Генри Роулинсон (1810–1895), сыгравший важную и увлекательную роль на начальных этапах развития ассириологии, в это время занимался подготовкой публикаций клинописного материала, издававшихся дирекцией Британского Музея. Распределяя таблички по нескольким категориям, Смит назвал одну из них *мифологическими табличками*; вместе с ростом объема обработанного материала ему постепенно становилось все легче подбирать нужные фрагменты, восстанавливая разбитые таблички и вчитываясь в их текстовое содержание. История о Потопе, на которую он таким образом наткнулся, оказалась лишь одним из эпизодов в длинном повествовании о жизни героя Гильгамеша (это имя Смит тогда предложил произносить *Издубар* – впрочем, без большой уверенности) [2].

Так началось составление этого космического пазла, начатое Джорджем Смитом и продолжающееся до сего дня героическими усилиями сотрудников отдела клинописи Британского музея. При этом Смит столкнулся с проблемой, которая и сейчас преследует исследователей табличек: некоторые из них покрыты окаменевшими отложениями, полностью закрывающими клинопись. На одной такой табличке, по убеждению Смита содержавшей центральный эпизод истории об Издубаре, текст частично был скрыт под толстым слоем известковых отложений, которые мог удалить только эксперт. В музее постоянно работал археолог-реставратор Роберт Реди, пионер в своей области, буквально делавший чудеса; но как раз в тот момент он был в отъезде на несколько недель. Читая описание этого

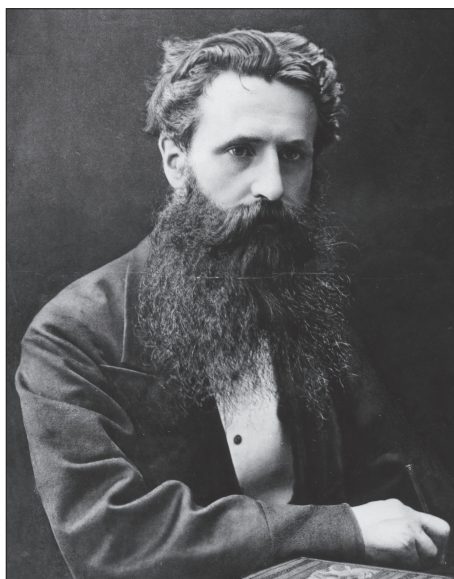
эпизода, сделанное позднее Э. А. Уоллисом Баджем, хранителем Смитовского отдела Британского музея [3], мы можем только сопереживать Джорджу Смигу:

Смит по природе был очень нервной и чувствительной личностью; досадное отсутствие Роберта Реди привело его в неопишное раздражение. Он предполагал, что эта табличка содержит очень важный фрагмент эпоса, и его нетерпение проверить свою гипотезу выражалось в чрезвычайном возбуждении, день за днем все более возрастающем. Наконец Реди вернулся и получил от Смита табличку для очистки. Увидев, как много с нее придется снимать отложений, он, по-видимому, засомневался в успехе, но заявил, что сделает максимум возможного. Через несколько дней, однако, он сумел привести табличку в тот вид, в котором мы ее знаем сегодня, и передал ее Смигу, работавшему в тот момент с Роулинсоном в комнате над кабинетом музейного секретаря. Смит взял табличку в руки и принялся читать клинописные строки, только что появившиеся на свет Божий благодаря усилиям Реди; когда он понял, что они содержат именно тот фрагмент эпоса, который Смит ожидал увидеть, он произнес: «Я первый человек, читающий это после двух с лишним тысяч лет забвения».

Положив табличку на стол, он вскочил и начал ходить по комнате в большом возбуждении, а затем, к изумлению окружающих, начал раздеваться.

Эта театральная реакция Смита была мифологична сама по себе, так что впоследствии все ассириологи воздерживались от подобных проявлений своих чувств — вероятно, приберегая их на тот случай, когда и им доведется открыть нечто столь же удивительное. Хотя мне, признаться, часто приходила в голову мысль — не следует ли считать эту реакцию Смита на поразившую его новость симптомами эпилептического припадка.

Публичное заявление о своей находке Смит сделал в декабре 1872 г. в Лондоне на 3-м заседании Общества библейской археологии [4]. Присутствовали многие высокопоставленные особы, в том числе

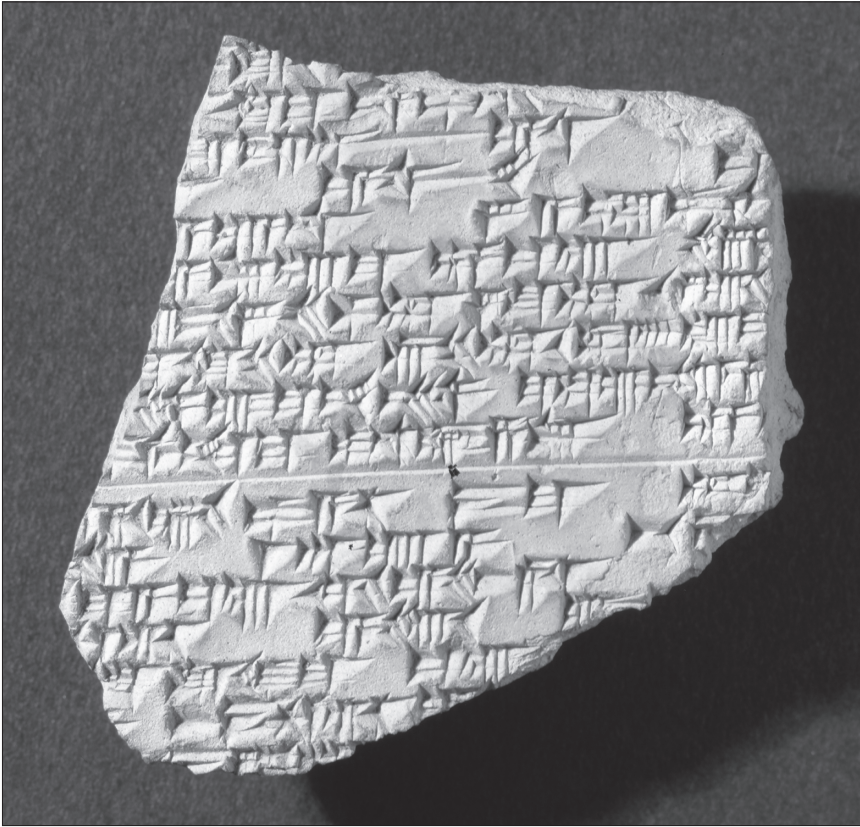

*Джордж Смит в 1876 г. с экземпляром своей книги
«Халдейский рассказ о сотворении мира»*

архиепископ Кентерберийский — поскольку тема доклада имела серьезные последствия для авторитета церкви — и даже премьер-министр Уильям Гладстон, весьма интересовавшийся классическими древностями. Заседание завершилось поздно вечером при всеобщем энтузиазме.

Новость буквально наэлектризовала присутствовавших, как перед этим самого Смита. В 1872 году всякий знал Библию вдоль и поперек, и было попросту невозможно переварить известие о том, что у канонической истории о Ковчеге и Потопе имеется версия, записанная варварским образом на куске глины, раскопанном где-то на Востоке и хранящемся в Британском музее. Наутро об этом сообщили газеты и, конечно, любой омнибус в любом лондонском пригороде гудел от вопросов — «а вы тоже слышали об этом удивительном открытии в Британском музее?».

В 1873 г. газета *Daily Telegraph* профинансировала поездку Смита в Ниневию на раскопки с целью найти дополнительные фрагменты эпоса. Он преуспел в этом намного быстрее, чем, вероятно, предпо-

«Табличка Daily Telegraph» DT 42, раскопанная Смитом в Ниневии

лагалось; как только газета получила от него телеграмму с известием о находке еще одного недостающего фрагмента истории о Потопе, дальнейшее финансирование экспедиции прекратилось и ее пришлось немедленно завершить. Интересно привести рассказ об этом самого Смита:

Я телеграфировал владельцам *Daily Telegraph* о своем успехе, о том, что я нашел недостающий фрагмент истории о Потопе. Они опубликовали эту новость в номере от 21 мая 1873 г., но по неизвестным мне причинам опубликованный текст телеграммы отличался от того, что я послал. В частности, в опубликованном тексте есть слова «так как

Ковчег до Ноя: от Междуречья до Арабата

сезон завершается», которые можно понять как якобы высказанное мною мнение, что сезон, подходящий для ведения раскопок, подходит к концу. Но я считал ровно противоположное и вовсе не писал этих слов в телеграмме...

[Смит 1875: 100]

Это был урок всем будущим археологам: если вы нашли нечто выдающееся на начальном этапе экспедиции, ни в коем случае не сообщайте об этом никому, и в особенности тем, кто ее финансирует, вплоть до последней профинансированной недели.

Смит достаточно точно изложил содержание своей новонайденной таблички: «В ней описывается, как строился ковчег и как он заполнялся; она почти полностью закрывает самый существенный пробел, остававшийся в этой истории [о Потопе]» (Смит 1876, с. 7). Он не понял, однако, что этот фрагмент вообще не принадлежит эпосу о Гильгамеше, а является, как мы увидим позже, фрагментом другого похожего, но еще более древнего мифологического рассказа о Потопе, называемого по имени его героя «Сказанием об Атрахасисе» (в реконструкции Смита это имя звучит «Атар-пи»).

Косвенным свидетельством того, насколько тогда прославился Смит, может служить, например, следующая очаровательная заметка в выпуске журнала о почтовых марках *The Philatelist* за 1874 год:

Почтовому ведомству приходится обрабатывать большое количество писем, адресованных иностранцам, живущим в Лондоне. Причудливое написание адресов на многих из этих посланий заставило бы, наверное, даже г-на Джорджа Смита, специалиста по ассирийским табличкам в Британском музее, в отчаянии рвать на себе волосы. Но самый неудобочитаемый адрес из полученных когда-либо нашим почтовым ведомством был на конверте, пришедшем недавно из Индии. Наши сотрудники и эксперты не смогли ничего разобрать в этом фантастическом узоре из клякс, черточек и закорючек, похожих на крошечные фотографии каких-то странных насекомых. Лучшие лингвисты Британского музея тоже ничем не смогли помочь, равно как и сотрудники Министерства по делам Индии. Знатоки

малагасийского языка, языков пали и каннара, самые ученые лингвисты, живущие в метрополии — все оказались беспомощны, как когда-то восточные мудрецы перед мистическими письменами на стене дворца Сеннахирима ². Наконец нашлись два ученых мужа в квартале Бейсуотер, которые объяснили, что адрес написан буквами языка телугу ³, а адресатом является Ее Королевское Величество, названная на конверте просто «рани», т. е. госпожой.

Джордж Смит умер молодым, довольно романтично и, можно сказать, совершенно случайно. Его смерть в Алеппо от шигеллеза (или дизентерии) принято списывать на его собственное упрямство, хотя, вероятно, невнимательность окружающих также сыграла свою роль. Его безутешная вдова Мэри осталась жить с пятью маленькими детьми на скромной государственной пенсии. Говорят, что в час кончины Джорджа Смита его дух вошел в немецкого ассириолога Фридриха Делича, в тот самый момент переходившего улицу в Лондоне напротив своего жилья [5]. Мэри Смит, наверное, и представить себе не могла, что имя ее мужа станет впоследствии столь знаменитым; но это имя по праву связано для нас с вавилонской историей о Потопе.

Открытие, сделанное Джорджем Смитом, поставило под сомнение сразу несколько общепринятых представлений. Казалось просто невероятным, что сюжет, столь близкий изложенному в Священном Писании, мог родиться в столь примитивном варварском мире, дойти до нас записанным на столь хрупком материале и при этом столь неоспоримым образом войти в общественное сознание. Как могли знать о Ное и о его Ковчеге ассирийцы при благородном царе Ашшурбанапале и вавилоняне при безумном чудовище Навуходоносоре? Это были серьезные вопросы, обсуждавшиеся прихожанами на церковных скамьях и соседями у садовых изгородей и настоятельно требовавшие ответа. В трезвой научной публикации Смита

² Здесь — как в Синодальном переводе Библии. Современное написание имени этого ассирийского царя — Синаххериб.

³ Телугу, пали, каннара — языки народностей Индии; малагаси (мальгашский) — язык коренной народности Мадагаскара.

нельзя было найти эти ответы — их просто не было в 1875 году. Особенно важными были два вопроса:

Какой из рассказов о Потопе принадлежит более древней традиции?

Когда и как сюжет о Потопе перешел из одной традиции в другую?

Ответ на первый вопрос имеется уже давно: клинописная литература о Потопе примерно на тысячу лет старше библейского текста, при том что датировка библейского текста до сих пор представляет собой трудную проблему. Что касается второго вопроса, то на него в этой книге предлагается новый ответ.

Через сто тринадцать лет после революционного открытия Смита с автором этой книги произошло аналогичное, хотя и гораздо менее драматичное событие типа «сотрудник Британского музея обнаружил удивительный рассказ о Потопе». В 1985 году некий джентльмен принес имевшуюся у него клинописную табличку в Британский музей для идентификации и получения объяснений. Сам по себе этот случай не был чем-то удивительным, поскольку отвечать на подобные запросы частных лиц было всегда одной из обязанностей сотрудников музея, притом обязанностью достаточно увлекательной, ибо вы никогда не знаете, что за диковинку вам принесут — особенно когда это касается клинописных табличек [6].

В данном случае пришедший ко мне джентльмен был мне уже хорошо знаком, потому что он и раньше многократно приносил мне различные вавилонские предметы. Его звали Дуглас Симмондс; свою коллекцию древностей он унаследовал от отца, Леонарда Симмондса. Леонард всю жизнь интересовался всякими редкостями, а в конце Второй мировой войны он находился на Ближнем Востоке в составе Королевских военно-воздушных сил, что дало ему возможность на месте приобретать клинописные таблички и их фрагменты. В его коллекции были и египетские, и китайские, и месопотамские древности; в числе последних — цилиндрические печати (бывшие личным пристрастием Дугласа) и несколько клинописных табличек. В тот раз он принес мне несколько предметов из вавилонской части своей коллекции.

Невозможно выразить словами мое ошеломление, когда я обнаружил, что одна из принесенных мне табличек содержала версию вавилонского повествования о Потопе.

Эта идентификация сама по себе не являлась большим достижением, потому что начальные строки («Стена, стена! Тростниковая стена, тростниковая стена! Атрахасис...») уже давно стали общеизвестны и знамениты: со времени открытия Смита было обнаружено несколько других копий клинописного рассказа о Потопе, и даже студент-первокурсник отделения ассириологии мог бы сразу идентифицировать этот текст. Проблема заключалась в том, что чем дальше вы продвигаетесь по клинописному тексту на этой небожженной табличке, тем более он становится трудночитаемым, ну а уж когда вы в первый раз видите ее оборотную сторону, то впадаете в отчаяние. Я объяснил Дугласу, что разобрать смысл полустертых знаков — это работа на много часов; но он ни под каким видом не захотел оставить мне табличку. И даже когда я объявил, что перед нами Очень Важный Документ, Представляющий Огромный Интерес, он не выказал особенного энтузиазма и не заметил, что я сгораю от желания тут же приняться за дело. Он беспечно запаковал табличку о Потопе вместе с двумя или тремя принесенными в тот же день круглыми школьными табличками и удалился, пожелав мне приятного дня.

Этот Дуглас Симмондс был человек со странностями. Неприветливый, необщительный, совершенно для меня непонятный, с большой и довольно-таки умной головой. Лишь много позже я узнал, что в детстве он играл в знаменитой серии телепередач «Here Come the Double-Deckers»⁴, был очень талантливым математиком и вообще весьма разносторонним человеком. Я вырос в доме без телевизора и поэтому ничего не знал об этой телесерии; к слову замечу, что когда я в первый раз на открытой лекции рассказывал о своей находке и упомянул «Double-Deckers», одна из слушательниц вскопчила и в большом возбуждении стала спрашивать, «что я знаю о Дугласе»,

⁴ «Сюда заезжают двухэтажные автобусы», англо-американская детская передача в 17 сериях (1970–1972).

который явно интересовал ее больше, чем табличка о Потопе. Большинство игравших в этой передаче стали известными актерами, а сама серия позднее появилась в записи.

В тот момент мне было ясно лишь одно: новая и еще не расшифрованная табличка о Потопе уплывает у меня из рук, и понадобится исключительное искусство убеждения, чтобы заполучить ее обратно. Время от времени Дуглас снова появлялся в нашем отделе, каждый раз принося маленький мешочек с другими предметами для идентификации. Со мной при этом он не встретился ни разу, так как он всякий раз хотел проконсультироваться именно с Доминик Коллон, моей тогдашней коллегой, знающей все, что только можно знать, о цилиндрических печатях и даже преуспевшей в приобретении для Британского музея в 1996 г. нескольких образцов из коллекции Дугласа Симмондса [7]. Так что я ничего не слышал о «моей» табличке, пока не встретился с Дугласом в 2009 г. на организованной Британским музеем выставке «Вавилон: миф и реальность», когда он разглядывал надпись Навуходоносора из Дома Британской Ост-Индской компании. Я, как только смог, быстро пробрался к нему через толпу жадных до впечатлений посетителей и без обиняков спросил о табличке. Завораживающее множество клинописных табличек вокруг нас возымело на него, по-видимому, благотворное влияние, потому что он пообещал мне принести эту табличку для исследования, что вскоре и сделал.

Я обнаружил, что за истекшее время Дуглас с помощью специалиста обработал табличку в печи для обжига глины, и теперь она красовалась в специально изготовленном футляре; очевидно, ее важность не ускользнула от его внимания. Он согласился оставить на хранение в музее табличку вместе с футляром, дав мне таким образом возможность изучать ее столько времени, сколько понадобится.

Оставшись наконец с моей табличкой наедине, я принялся читать ее, вооружившись лампой, лупой и свежоотточенным карандашом. Расшифровка продвигалась урывками и сопровождалась моими стонами и междометиями, при постоянно нараставшем, хотя и сдерживаемом возбуждении. По прошествии нескольких недель я, наконец, поднял голову, жмурясь от внезапного света...

*

Я обнаружил, что клинописная табличка Симмондса (теперь известная как «Табличка Ковчега») была в некотором роде подробным руководством по строительству ковчега. Я работал над этим текстом с большим усердием, клин за клином. Смысл текста постепенно прояснялся [8], и я регулярно сообщал о своих результатах Дугласу. Он, в свою очередь, с энтузиазмом воспринял идею использовать табличку о Ковчеге для большого документального фильма⁵, а также поддерживал меня в написании лежащей перед вами книги. К сожалению, в марте 2011 года Дуглас скончался.

Подготовка этой книги потребовала экскурсов в филологию, археологию, психологию, этнографию, кораблестроение, математику, богословие, экзегетику и историю искусств. Со всем этим багажом мы отправимся в полную приключений экспедицию. Что представляет собой древняя клинопись как способ письма? И можем ли мы почувствовать, какими были в реальности эти вавилоняне, писавшие клинописью? Я подробно изложу содержание таблички Симмондса в сравнении с другими известными текстами, содержащими историю о Потопе; затем мы займемся вопросом о том, как эта история перешла из вавилонской клинописи в еврейское алфавитное письмо и была включена в библейскую Книгу Бытия.

Книга, лежащая перед вами, в значительной степени посвящена древним текстам и тому, о чем они должны нам говорить. Большинство этих текстов написаны клинописью — самой древней в мире и *самой интересной* формой письма. Мне кажется важным рассказать не только о том, что мы узнали, но и о том, каким образом мы это узнали; отдельно будет говориться о словах или строчках, до сих пор остающихся непонятными или допускающими несколько различных толкований. Я постарался свести к минимуму филологический компонент ассириологии; какое-то ее присутствие все же остается необходимым, но я надеюсь, что оно не затемнит фабулы истории о Потопе как детективного романа. Потому что это действительно

⁵ Впоследствии он был подготовлен студией Blink Films и показан в 2014 г. на канале Channel 4 под названием «The Real Noah's Ark: Secret History».

Ковчег до Ноя: от Междуречья до Арарата

детективный роман. Когда я начал расшифровывать табличку Симмондса и писать эту книгу, я отправился в путешествие, совершенно не зная, куда оно меня приведет. Передо мной вставали один за другим неожиданные вопросы, настоятельно требовавшие ответа. Для исследователя клинописи Табличка Ковчега, даже если она не зачаровывает его своей красотой, всегда будет оставаться чудом. Я надеюсь, что всякий, прочитавший эту книгу, подтвердит мое мнение.

Клин между нами

*Я вам составлю клинописью счет от прачки за рубахи
И опишу во всех деталях доспехи, бывшие на Каратаке⁶.
Во всем, короче, что касается растений, животных и камней,
Я – образцовый генерал-майор, и даже поумней.*

У. Ш. Гилберт⁷

Древние вавилоняне верили в Судьбу. Я думаю, что именно вмешательство Судьбы сделало меня ассириологом — во всяком случае, к написанию этой книги она точно приложила свою руку. В девятилетнем возрасте я уже знал, что хочу работать в Британском музее. Такое честолюбивое решение, возможно, возникло под влиянием странного воспитания — в галереях музея в квартале Блумсбери я проводил целые дни вместе с четырьмя своими братьями и сестрами (причем не только в дождливую погоду), и не было там ни одной застекленной витрины с экспонатами, о которую бы ни разу не расплющился мой любопытный нос. Тогда же мной овладел интерес ко всяческим древним и «трудным» письменам, и я долго колебался — посвятить ли себя древнекитайским или древнеегипетским иероглифам.

Когда в 1969 году я вошел в здание Бирмингемского университета, гордо держа под мышкой гардинеровскую «Граматику древнеегипетского языка», Судьба первый раз явным образом вмешалась в мою жизнь. Египтологию там преподавал Т. Рандл Кларк; этот степенный

⁶ Каратак — вождь одного из племен бриттов, сопротивлявшихся римскому завоеванию Британии в I веке.

⁷ Отрывок из арии генерал-майора из «Пензанских пиратов», одной из комических опер, сочиненных в конце XIX века либреттистом Уильямом Швенком Гилбертом и композитором Артуром Салливаном, сформировавшими специфически английский жанр, популярный в Англии до сих пор.